

Неомарксизм вчера, сегодня, завтра

Михайловский В. С.

Марксизм как философское, экономическое, социально-политическое учение формируется в XIX веке в период становления и утверждения на Западе индустриального общества. Традиционно считается, что определяющее познавательное значение в марксизме имеет материалистическое понимание истории, теория прибавочной стоимости, учение о классовой борьбе и пролетарской революции. Однако творческое наследие К. Маркса настолько разнообразно, что уже более чем полтора столетия влияет на развитие общества. Споры о роли марксизма как актуального направления социального познания носят неоднозначный характер. И если на Западе, несмотря на разброс оценочных суждений, марксизм воспринимается как неотъемлемая «часть исторического пейзажа, очерчивающего границы наших поисков и сомнений» [1], то на постсоветском пространстве признание «архаичности» марксизма привело к его избирательному изъятию из школьной и университетской программы. Проблема имеет не только идеологическое значение, но и теоретико-методологическое. Марксизм является неотъемлемой частью социально-политических наук, и его упущение из методологического обихода приводит к аберрации (погрешности) и ущербу социального познания.

При всей широте подходов к познанию социальности эти подходы во многом сформированы под воздействием либеральных ценностных ориентаций аналитиков западной интеллектуальной традиции. В результате многие актуальные проблемы рассматриваются на основе одной из исследовательских позиций, что сужает предметную область социальных исследований, ограничивает понятийно-категориальный аппарат и затрудняет анализ современных социальных реалий. В этой связи идет исследовательский поиск не только на путях методологических инноваций, но и в области теоретической рефлексии, осмысления и переосмысления методологических достижений социальной науки в рамках различных исследовательских парадигм. Происходит постепенное возвращение научного интереса к марксистской методологии и теоретическому потенциалу эволюционирующих марксистских исследовательских течений. Ведь еще в начале 1990-х годов советские интеллектуалы призывали отказаться от безоговорочной оценки, приговора марксизму и увидеть в нем теорию, «способную к самокритике и саморазвитию» [2, с. 287–288]. Как писал российский ученый В. С. Степин, марксизм

сродни «разросшемуся дереву, каждая ветвь которого выступает в качестве особого течения, аспекта, толкования марксистских идей и принципов, попыток осмыслить и переосмыслить их под углом зрения накапливаемого исторического опыта» [3, с. 55]. С нашей точки зрения, именно фрагментарность знания о «марксизме после Маркса» является одной из причин недостаточного внимания к неомарксизму в социальной науке.

Марксистский дискурс не прекращался с момента издания «Манифеста коммунистической партии» и был связан не только с реальной практикой рабочего движения. В начале XX века марксизм оказал влияние и на различные направления академических исследований. Это влияние оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как метод познания социальности. Все многообразие неомарксистских исследовательских концепций, индивидуальных и коллективных проектов и интеллектуальных практик имело точкой отсчета 1923 год. Речь идет о формировании немецким и венгерским философами К. Коршем и Д. Лукачем неомарксистской парадигмы социального познания как аналитического обращения к гегельянским основам марксизма. Работы К. Корша («Марксизм и философия») и Д. Лукача («История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике») о конституирующем значении субъективного фактора в марксистской онтологии общественного бытия стали интеллектуальным толчком для углубленного внимания к теоретическому наследию К. Маркса. На протяжении XX и начала XXI веков различные авторы обращались к марксизму, интерпретировали, синтезировали его положения или отталкивались от марксистских положений в собственных концептуальных построениях: в рамках антропологии (Э. В. Вульф, М. Годелье), истории (М. Рюбель, Э. П. Томпсон, Э. Хобсбаум и др.), культурологи (Ф. Джеймисон, М. Лифшиц, Р. Уильямс и др.), педагогики (П. Фрейре), политэкономии (У. Белло, А. Горц, Ф. Поллок и др.), политологии (Р. Милибэнд, К. Оффе, Г. Терборн и др.), психологии (Л. С. Выготский, Ж. Политцер, В. Райх), социологии (Р. Миллс, Э. О. Райт, Дж. Элстер и др.), философии (Э. Блох, Л. Гольдман, И. Месарош и др.), экологии (М. Букчин) и экономики (Дж. Арриги, П. Баран, Э. Мандель и др.). По нашим подсчетам, не претендующим на абсолютную точность и на окончательный итог, можно выделить более 120 основных теоретиков неомарксизма.

Генезис неомарксизма – это длительный, постепенный процесс, в котором соотношение идеологического и научного характеризуется внутренней противоречивостью. Необходимо учитывать сложные взаимодействия неомарксистских теоретиков с коммунистическими партиями, не упускать факт неизбежного «вторжения»

неомарксизма в сферу идеологической ангажированности и политической борьбы. Будучи значимыми интеллектуалами своего времени, неомарксисты (А. Грамши, К. Кастириадис, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр и др.) критиковали современное общество, занимая при этом определенные политические позиции, что и стало основой для искаженного восприятия неомарксизма как левой идеологии. Теоретики неомарксизма старались внедрить свои интеллектуальные разработки в коммунистическое движение, в первую очередь, чтобы актуализировать марксистский революционный потенциал. Как отмечал американский философ П. Готфрид, это была попытка «укрепить революционный пыл марксизма в условиях, когда его теоретическая база начала слабеть» [4]. Однако обнаружилось, что западные коммунистические партии стали все в меньшей степени интересоваться идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в послевоенный период (Вторая мировая война), когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. В 1960-е годы коммунистические партии органично включились в западный политический процесс в качестве системной оппозиции.

Не имела успеха и попытка донести достижения неомарксистской мысли массам «напрямую», минуя партийную ангажированность. Оказавшись востребованным в момент кризиса западного общества в 1960-е годы, неомарксизм все же был идейно искажен в деятельности различных европейских политических течений (ситуационизм, операизм, «социализм или варварство»). Однако движение «новых левых» с его особым интересом к неомарксизму не только формировало негативное отношение и искаженное восприятие данного теоретического направления, но и актуализировало внимание к нему. И хотя в 1970-е годы американские и европейские средства массовой информации «с ликованием освещали» «кризис марксизма», но этот «журналистский приговор», по мнению британско-американского историка П. Андерсона, принимал во внимание положение дел с марксизмом только во Франции и Италии и не заметил распространения неомарксизма вне романских стран [5]. Если проанализировать поток неомарксистской литературы, то напрашивается противоположный вывод, что именно в этот период неомарксизм начал восприниматься как самостоятельное течение интеллектуальной мысли и как предмет научной аналитики. Такое восприятие было характерно не только для западных государств. В монографии, написанной в 1980 году в СССР, неомарксизм определялся как течение, оказавшее значительное влияние на «западную интеллигенцию». По мнению авторов, неомарксизм оказался «в духе времени» и «обнаружил явное преимущество перед иными течениями современной западноевропейской и американской философии», что позволило говорить о «марксистском ренессансе» на Западе [6].

Можно выделить три этапа развития неомарксизма. Первый этап – межвоенный (Первая и Вторая мировые войны). Этот этап характеризуется возникновением неомарксистского дискурса и интеллектуальных разработок неомарксистских теоретиков в рамках коммунистических партий и Института социальных исследований во Франкфурте. Вторым этапом (1941–1968) связан с интеллектуальным расцветом Франкфуртской школы и «околопартийной» аналитической деятельностью теоретиков неомарксизма. На третьем этапе – период после 1968 года – доминирующим становится университетское (кафедральное) развитие неомарксизма и происходит повышение интереса к неомарксизму. Неомарксистские исследования появляются в Северной и Южной Америке, Центральной и Юго-Восточной Европе.

Парадокс в том, что неомарксизм, несмотря на теоретические попытки оживить марксистский революционный потенциал в изменившихся условиях XX века, был воспринят как пагубный для рабочего движения ревизионизм. К. Корш и Д. Лукач были обвинены в ревизионизме советским партийным деятелем Г. Зиновьевым на V Конгрессе Коминтерна (1935). У основоположников неомарксизма не было цели «вывернуть» марксизм в рамках идеализма. Первоначальный «гегельянский акцент» в неомарксизме есть результат поисков «внутри» марксизма. Это подтверждают слова ведущего теоретика Франкфуртской школы Т. Адорно, что «гегельянский идеализм» есть «собственная идентичность» марксизма [7, с. 95]. И сами франкфуртцы считали, что задача марксистских разработок – противостоять ревизии марксизма, которая привела к адаптации коммунистического движения к западной парламентской системе.

Хотя в широком понимании неомарксизм включают в ревизионизм, но между этими направлениями существует глубокое теоретическое размежевание, которое связано с вопросами диалектики. Ревизионизм – это, прежде всего, ревизия диалектики, замена критической диалектической концепции конформистскими установками позитивизма. В соответствии с такими установками, как писал немецкий философ-неомарксист Г. Маркузе, «господствующие условия общества гипостазировались и человеческая практика подчинялась их власти» [8]. Неомарксизм как направление социального познания есть теоретическая защита диалектики, которая была для неомарксистов важнейшим принципом исследования социальности. Критические тенденции диалектики Г. Гегеля и К. Маркса, воспринятые неомарксистами, обусловили формирование негативной диалектики и критической теории общества как основ неомарксизма.

Главной проблемой критической теории стала проблема рациональности и ее воздействия на социальную действительность. Неомарксисты (Т. Адорно, Ж. Бодрийяр, Р. Гароди, Г. Маркузе, В. Райх, Э. Фромм, М. Хоркхаймер) обосновывали, что

рациональность оборачивается против подлинных интересов человека. Рационализация политиками путей общественного развития, расширение роли государства в общественном функционировании, развитие средств массовой информации и их активное внедрение в формирование общественного дискурса, стандартизация принципов поведения и потребностей – все это рассматривалось неомарксистами не как прогресс цивилизации, а как пагубная тенденция порабощения самостоятельности мышления, его критичности. Общество превратилось в «мегамашину» [9]. Как отмечал Г. Маркузе, «институты, которые человек учреждает, и культура, которую он создает, приводят к формированию их собственных законов». Человек подчиняется своему экономическому, социальному и политическому окружению и «начинает забывать, что он сам, его свободное развитие есть конечная цель всего совершающегося» [10]. В результате неомарксисты утверждали, что рационализм приводит к негативной тотальности.

Неомарксистское социальное познание предполагало «критику модерной рациональности средствами негативистской философии истории» [11, с. 46]. С нашей точки зрения, диалектическая составляющая в неомарксистском подходе требует большего внимания, чем критическая. Неомарксисты нашли основание для своей критической позиции у Г. Гегеля и К. Маркса, но одного критицизма было недостаточно для эффективного познания социальности. В такой ситуации критическая теория представляла бы просто «точку зрения» о наличной «нехорошей» действительности. Именно аналитическая опора на диалектический подход позволила неомарксистам не просто критиковать современный капитализм, а выявить его «нетождественность» (противоречивость, ложность). Т. Адорно писал, что «диалектика – это последовательное логическое осознание нетождественности» [12]. Неомарксистская приверженность диалектике требовала постоянного критического внимания к общественным практикам во всем многообразии их проявления и к постоянным теоретическим поискам объяснений ложности складывающихся установок восприятия. Это предполагало переосмысление фундаментальных категорий социально-политических наук: «власть», «господство», «политика» и «классовая борьба».

В неомарксизме классовый антагонизм рассматривается широко. В современном капитализме при определенной минимизации эксплуатации в экономической сфере происходит углубление репрессивности и нарастание классовых деформаций в культуре, структурах «жизненного мира». Таким образом, как писали итальянский и американский теоретики неомарксизма А. Негри и М. Хардт, эксплуатацию уже нельзя описывать «в прежних терминах» политической экономии. «Эксплуатацию надо попытаться постичь как эксплуатацию общего» [13]. Этими установками и объясняется неомарксистское

аналитическое перемещение «позиции господства» из экономической сферы в сферу культуры, а также появление термина «культурный марксизм» как синоним неомарксизма. Для неомарксистов «культурная надстройка» – это политическая проблема, имеющая «отношение к сохранению или свержению существующего социального порядка» и заслуживающая «теоретического осмысления именно с этой точки зрения» [14]. В неомарксистских исследованиях культура понимается как способ ненасильственного господства на уровне государства. Проблемы гегемонии, которым уделяли пристальное внимание теоретики неомарксизма, и были тем звеном, соединяющим культурное и политическое в механизмах господства. У итальянского теоретика неомарксизма А. Грамши категория «гегемония» применялась для характеристики положительного фактора в пролетарской борьбе за власть. В процессе теоретического развития «гегемония» стала основным неомарксистским интеллектуальным инструментом для описания негативной роли субъективного фактора в удержании классовой власти в современном обществе. Именно этот аспект политической власти и стал основным для неомарксистской концептуализации политики.

Неомарксисты (Э. Балибар, Ж. Бодрийяр, Г. Маркузе, А. Негри, Н. Пуланзас, М. Хардт) понимали политику предельно широко: политика есть организованное в интересах классового господства социальное как тотально эксплуататорское. Неомарксистский познавательный посыл сводится к утверждению: социальное политизируется, а политическое скрывается за социальным. Из этого следует анализ воспроизводства политического вне рамок функционирования государственного аппарата и публичного политического процесса. Важным термином неомарксистского широкого понимания политики является понятие «биополитика», которое отражает форму создания обширного пространства эксплуатации на основе биовласти.

Заимствованное из философии П.-М. Фуко, понятие «биовласть» было переосмыслено А. Негри и М. Хардтом для обозначения власти как господства над процессом воспроизводства субъективностей. Биовласть есть «контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений». Субъективное измерение власти позволяет сделать вывод, что биовласть «регулирует общественную жизнь изнутри» и становится добровольной «неотъемлемой, жизненной функцией» каждого индивида [15]. Акцентация на добровольную (ненасильственную и неосознанную) суть современной социальной репрессивности является характерной чертой неомарксизма, определившей широкий интерес к изучению идеологии и ее воздействия на сознание индивида.

В неомарксизме (Л. Альтюссер, Ж. Бодрийяр, А. Грамши, С. Жижек, Д. Лукач, Г. Маркузе, И. Месарош, Э. Фромм) речь идет не просто о классовой борьбе за индоктринацию в сознание индивидов определенных идей. Словенский культуролог и философ-неомарксист С. Жижек считал, что надо пересмотреть марксистскую формулировку «они не сознают этого, но они это делают». Идеологическая иллюзия «имеет своим местом не “знание”», а действие [16]. Современный человек свободен в своих мыслях, но ограничен в практике их реализации. Это связано с тем, что структурированное капитализмом «пространство социальных действий» идеологизируется как объективно сложившийся и универсальный вариант человеческого общежития. В результате, как писал Г. Маркузе, любая альтернатива вызывает у акторов «чувство вины», в силу того, что оборачивается практикой «против разумного порядка» [17]. Создается «комфортная репрессивность», которая не вызывает реального социального протеста, а формирует лишь общественное недовольство, которое связано с недостаточным уровнем потребительского комфорта.

Субъективный фактор дает возможность реализовать господство не как репрессивное, а как этическое и символическое. Это возможно не только по отношению к отдельному человеку и обществу, но и целому государству или группам государств. После 1968-го года в неомарксизме актуализировалось внимание к международной проблематике, что в результате привело к формированию целого направления – неомарксистской глобалистике.

При изучении процесса глобализации основное внимание теоретики неомарксизма обращали на становление единства мира в классовом измерении. Глобализация рассматривалась как воспроизводящийся порядок глобальной гегемонии транснационального капитала в союзе с группой государств и международными организациями. Глобальная гегемония предполагает не только борьбу за международное влияние, но, что более важно, и согласованное глобальное «проектирование» [18, с. 61].

Значение неомарксистских исследователей в рамках теории зависимого развития и мир-системного анализа (С. Амин, И. Валлерстайн, Ж. Дюмениль, Д. Леви, Р. Пребиш, Т. дус Сантус) в том, что были выявлены новые проявления империалистической политики вне агрессивной, явно выраженной колониальной экспансии. В современном мире империалистического агрессора как объективного «врага» нет. Есть лишь многочисленные программы «объективного и необходимого» неолиберального развития, которые навязываются государствам. В неомарксизме изучаются не конкретные проблемы модернизации развивающихся стран, а модернизация как политика «центро-периферийного» структурирования мира. Неомарксистская теория ориентирована на

познание структурной необходимости капиталистического порядка в определенном виде интеграции развивающихся стран в глобальный капитализм. В оценке неомарксистов рекомендации по проведению модернизации в странах периферии направлены к воспроизводству условий неразвитости, хотя преподносятся как эффективная политика преодоления отсталости.

Неомарксистские исследования были направлены на познание глобальной динамики становления транснационального капитализма, глубинной причиной которого стала неоимпериалистическая экспансия. Аналитическая критика теории модернизации позволила понять, как современный капитализм эффективно «приспособился» к объективно неизбежному процессу деколонизации. Однако в 1990-е годы в неомарксизме актуализировалось внимание к познанию уже сформировавшегося глобального порядка. В 1992 году канадский политолог-неомарксист Р. В. Кокс использовал понятие «постглобализация» для обозначения будущего глобальной политики [19, с. 155]. В конце 1990-х годов А. Негри и М. Хардт констатировали, что в мире образовалась новая логика и структура управления, новый глобальный порядок, который они обозначили как «Империя». Этим термином и была названа концепция, объясняющая особенности глобального порядка начала XXI века и характеризующая современный этап развития неомарксизма.

Концепция «Империя» позволила рассмотреть глобальные политико-властные отношения в едином измерении. Это было достигнуто путем методологического синтеза марксизма и синергетики. Экстраполяция положений теории систем немецкого социолога Н. Лумана позволила использовать в неомарксистских исследованиях понятия «структурная логика» и «системная тотальность» [20]. Однако если неомарксистам в исследованиях неоимпериализма мир виделся как стремящийся к некоему управляемому единству, то А. Негри и М. Хардт в своей концепции пытались избежать теоретического подхода к глобальному порядку как результату «всемирного заговора». Империя есть квазигосударственная структура, не сводимая к мировому государству. Теоретики обнаружили негативное единство мира не в его управлении из какого-либо центра, а в его самоорганизующемся воспроизводстве. А. Негри и М. Хардт констатировали, что «всеобщность» и есть «биополитическая структура» Империи. Поэтому и новый имперский суверенитет понимается как объединение ряда национальных и наднациональных органов власти, транснациональных корпораций на основе «единой логики» (военной, экономической, идеологической, коммуникационной) глобального управления пространством [21]. Палестино-израильский исследователь Б. Абу-Маннеб считал работу «Империя» «разрушением» постмодернизма [22, с. 159]. Внешнее

разнообразие и гибридность мира не есть помеха для его эффективного воспроизводства в интересах капитала. Именно поэтому А. Негри и М. Хардт писали не о «посткапитализме», а о капиталистической «постсовременности» [23].

Работа «Империя» имела большой успех в интеллектуальной среде. Предпринятая попытка описать глобальный порядок гибридным, с изменчивой структурой на основе системной логики пространственной всеобщности есть построение метанарратива, всеобъемлющей описательной модели современных глобальных процессов. Новаторские указания А. Негри и М. Хардта на онтологическую сущность Империи; ее самостоятельное функционирование в интересах глобального класса; структурную зависимость имперских государств от созданной ими Империи; глобальное биополитическое воспроизводство субъективностей – открыли перспективу более широкого синтеза неомарксизма, синергетики и психологии масс. «Синергетический марксизм» может стать новым направлением неомарксизма и эффективным методом познания не только глобального процесса. Синтез марксизма и синергетики может сыграть актуализирующую роль для продолжения начатой в последней четверти XX века неомарксистской концептуализации публичной политики.

Неомарксистские теоретики (И. П. Агноли, С. Амин, Ж. Бодрийяр, Б. К. Джиллс, С. Жижек, Ю. Хабермас, Э. Фромм) нивелировали «классический» для социальной науки подход к рассмотрению публичной политики как проявления рационального активного участия граждан в общественной жизни. Это было сделано в русле критики современной демократии. Отправной точкой стали воззрения французского философа Г. Дебора, который, описывая современный капитализм, использовал метафору «общество спектакля» [24]. Французский философ-неомарксист Ж. Бодрийяр, применяя идеи Г. Дебора, многократно писал о современной политике как о «политическом гиперреализме», «политической игре» [25]. Демократическая публичная политика рассматривается неомарксистами как ритуал, как возможность выбора в рамках реального отсутствия альтернативы. Именно рассмотрение «политического спектакля» как самостоятельной (бытийной) системы сможет внести в концепцию классового антагонизма нового «третьего» субъекта (наравне с эксплуататорами и эксплуатируемыми), более возможного для детального анализа, нежели мегаобъект «Империя».

Возникший в 1920-е годы неомарксизм прошел долгий путь развития, демонстрируя открытость для заимствований из других направлений современного знания (аналитическая философия, семиотика, синергетика, структурализм, феноменология, фрейдизм, экзистенциализм). Возможен вопрос о постепенном «вымывании»

марксистского из неомарксизма, о «дрейфе» в сторону постмарксистской «всесторонней ревизии», которая «фактически трансцендирует» марксизм и утрачивает в постмодернистском дискурсе [26, с. 26]. Однако несмотря на обширную экстраполяцию достижений других направлений социального знания, неомарксизм сохраняет связь с марксизмом, но эта связь носит сложный, противоречивый и неоднозначный характер. И здесь важны не только классовый подход, но и идеи «отчуждения» и «овеществления». Более того, как отмечал французский философ-неомарксист К. Касториадис, возвращение к К. Марксу в чистом виде невозможно. К. Маркс был первым, кто доказывал, что значение теории «невозможно понять вне связи с исторической и социальной практикой, с которой она соотносится, в которой она продолжает себя и обоснованием которой она служит» [27].

Можно сделать вывод, что неомарксизм формировался как радикальная альтернатива всему либеральному социальному познанию и нес в себе глубоко гуманистическое содержание. Включая в себя множество предметных исследовательских областей, неомарксизм ориентирован на серьезные поиски теоретического осмысления современного мира. Неомарксистские исследования обладают научной значимостью в познании сущности социальности и политики, роли идеологии в воспроизводстве капитализма, «диагнозе», который ставится современной демократии и государству, в области анализа международных отношений. Актуализация марксистской мысли в рамках неомарксистского теоретико-методологического потенциала является на постсоветском пространстве необходимым и неизбежным процессом. Во-первых, накоплен огромный «багаж» знаний о марксизме, что дает благодатную интеллектуальную среду для академического восприятия неомарксизма. Во-вторых, неомарксизм практически эффективен в исследованиях стратегий «мягкой силы», текущего мониторинга глобального порядка и его угроз для еще независимых государств. Тем самым, по отношению к неомарксизму на постсоветском пространстве речь может идти об интеллектуальной преемственности и прагматической необходимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 15.
2. Толстых В. И. Не просто судят, а хоронят... // Освобождение духа : [сборник] / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 286–289.
3. Степин, В. С. Марксизм вчера, сегодня, завтра // Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 1996. С. 55–89.

4. Готфрид П. Странная смерть марксизма. М., 2009. С. 91.
5. Андерсон П. На путях исторического материализма. М., 1991. С. 174.
6. Неомарксизм и проблемы социологии культуры / отв. ред. Г. В. Осипов. М., 1980. С. 5, 60.
7. Adorno T. W. Reflections on class theory // Can one live after Auschwitz?: a philosophical reader / ed. R. Tiedemann. Stanford, 2003. P. 93–110.
8. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000. С. 502.
9. Фромм Э. Революция надежды. М., 2006. С. 58.
10. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000. С. 317.
11. Фурс В. Н. Критическая теория «современности» (анализ формирования одной социально-философской концепции) // Логос. 2004. № 1. С. 42–71.
12. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2011. С. 13.
13. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 188.
14. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 89.
15. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 36–37.
16. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 40.
17. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 100–101.
18. Cox R. W. Gramsci, hegemony and international relations: an essay in method // Gramsci, historical materialism and international relations / ed. S. Gill. Cambridge, 1993. P. 49–66.
19. Cox R. W. Towards a posthegemonic conceptualization of world order: reflections on the relevancy of Ibn Khaldun // R. W. Cox, T. J. Sinclair. Approaches to world order. Cambridge. 1996. P. 144–173.
20. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 28.
21. Там же. С. 330, 11.
22. Abu-Manneh B. The illusions of empire // Interventions: Intern. J. of Postcolonial Studies. 2003. Vol. 5, iss. 2. P. 159–176.
23. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 320.
24. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 39.
25. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2009. С. 138.
26. Фильк Д., Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 22–32.

27. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 9.